

Николай Гончарук

Сезон отстрела мафиози

Осень 1998 года преподнесла горожанам сразу несколько незабываемых сюрпризов. Вначале, в середине сентября, вдруг ударили десятиградусные морозы, чего в Южноморске лет семьдесят не случалось. А затем, в первых числах октября, когда по всей логике последних лет на землю должен был лечь первый снег или зарядить нудные и надоедливые дожди, словно из лета возвратилась тридцатиградусная жара.

Через несколько дней снова тёплым и ласковым стало море. Свинцовый цвет волн сменился нежно-голубым. Вода с десяти градусов тепла прогрелась до двадцати одного.

Горожане, раньше времени закончившие купальный сезон, стали возвращаться на пляж. Здесь всё было как летом. Светило солнце, нагревался как в июле песок. Купались и загорали отдыхающие. Правда, количество их было значительно меньше, чем летом. Ведь приезжие курортники давно уехали, остались только местные жители.

В остальном же всё было по-старому. Со спасательной станции доносились магнитофонные записи. Похабный юмор доморощенных мастеров

устного народного творчества перемежался с весьма потрёпанными шлягерами звёзд российской и украинской эстрады.

У самого входа на пляж, чуть ниже спасательной станции, избрали место для отдыха юноши. Рослые и крепкие, с летним шоколадным загаром, они играли на тёплом песке в волейбол. Конечно же, это были не профессионалы, игрой которых нельзя не восторгаться, а обыкновенные любители. Поэтому мяч то и дело улетал за пределы условной площадки, и тогда кто-то из игроков, нерасторопно вздымая босыми ногами песок, мчался за ним к воде.

Чертыхались отдыхающие, но никто из них не осмеливался одёрнуть не в меру расшалившихся юнцов. А те, упиваясь безнаказанностью, чувствовали себя героями. Ни капли не краснея, они в перерывах между сетами отпускали в адрес дам, дефилирующих по пляжу или загорающих на песке, плоские шутки, курили сигареты, прямо из горлышка бутылки лакали водку и нарочито громко матерились. В жилах юных оболтусов буйно играла кровь, однако никто из взрослых не пытался направить их неуёмную энергию в какое-то цивилизованное русло.

Подростки были предоставлены сами себе. Их идеалы и манеры поведения формировала улица, а пляж был излюбленным местом сборищ и отдыха

без назойливого родительского надзора.

Чуть поодаль от людской суеты облюбовали себе местечко рыбаки. Год оказался весьма удачным для них. В Южном море снова появилась кефаль. Жирная, посвёркивавшая в воде серебром, очень юркая рыба воспаляла рыбацкий азарт. Днями напролёт готовы были ловить кефаль рыбаки. Однако не всем она попадалась на крючок.

А может рыба предчувствовала приближение холодов? Ведь, хотя природа и преподнесла сюрприз, всем было ясно, что стоят последние тёплые деньки. А дальше станет значительно холоднее, и нынешняя благодать покажется далёкой и забытой сказкой из какого-то волшебного мира. Хотя кто его знает, что осенью лучше: позавчерашнее летнее тепло или суровая явь листопада?

* * *

Ещё двадцать шесть лет тому назад Южноморск являлся посёлком городского типа. Однако наличие крупнейшего в стране морского торгового порта, судоремонтного завода, завода железобетонных конструкций и гигантские темпы строительства девяти- и шестнадцатиэтажных домов поставили на повестку дня вопрос о переименовании посёлка городского типа в город.

Ровно год пересылались из кабинета в кабинет, и подозрительно долго согласовывались документы в Верховном Совете УССР и, наконец, 1 мая во всех республиканских и областных газетах вышло долгожданное постановление.

Статус города позволил Южноморску полностью освободиться из-под пресса руководства областного центра и развиваться по своему желанию и имеющимся возможностям. Последние же оказались огромные. Чего только стоило одно наличие в городе морехозяйственного комплекса?

Словом, маленький по территории город зарабатывал огромные деньги и явно не желал, чтобы те нагло отбирала у него область и за счёт чужих средств жировала.

Период перестройки, а затем и выхода Украины из состава СССР мало что изменил в стиле и методах работы предприятий. Здесь, как и прежде, всё строилось на увеличении валового производства и улучшении качества работы.

Давалось это нелегко. Кого-то из руководителей нужно было подхлестнуть, кого-то хорошенько «пропесочить». Однако город, несмотря на изменения курсов, перекосы и передряги во внешней и внутренней политике страны, жил и развивался.

Ритмичная работа предприятий, нахождение руководством города лазеек в непродуманных

сыроватых законах, приток инвестиций из-за рубежа и грамотное их использование помогло городу не только выжить, но и превратиться в оазис благополучия на фоне всеобщего хаоса и прозябания не только в области, но и в стране.

1

Каждый понедельник на аппаратное совещание в кабинет городского головы Ярослава Владленовича Рыжкова спешили руководители всех городских служб и предприятий.

Народу в пятиэтажном здании за пять-десять минут до восьми утра набивалось так много, что иногда скромным работникам городского совета трудно было перейти по служебным делам из одного кабинета в другой. Они прижимались к стене и терпеливо ждали, когда схлынет людской поток. А случалось такое из-за привычки руководителей предприятий прихватывать с собой нескольких специалистов, чтобы те, пока начальство находится на аппаратном совещании, решали с некоторыми работниками горсовета кое-какие производственные проблемы.

Хотя понедельник и считался самым тяжёлым в неделе, но именно с первого дня недели планировалась вся работа, и решалось большинство важных и второстепенных вопросов жизни

Южноморска.

Причём аппаратные совещания не сводились к переливанию из пустого в порожнее, а являлись планированием задач на неделю. Любой директор завода или фабрики обязан был владеть полной информацией о своём предприятии и имеющихся на нём проблем, чтобы тогда, когда его поднимет с места Рыжков, мог в нескольких словах обрисовать ситуацию на заводе или фабрике.

Мэр терпеть не мог пустопорожней болтовни. Ему необходимо было докладывать чётко и по существу. Любителей же пускать пыль в глаза Рыжков осаждал двумя-тремя вопросами по существу, после чего отправлял опозоренного руководителя на место.

1998 год был особенным для Южноморска. В апреле город праздновал своё двадцатипятилетие. Точкой отсчёта рождения Южноморска стало постановление Верховного Совета УССР о преобразовании посёлка городского типа в город. Празднование юбилея города прошло с большой помпой. В Южноморск приехали делегации из многих городов Украины и России.

Хозяева постарались не ударить лицом в грязь. Рекой лилось шампанское. Местная птицефабрика в связи с торжествами лишилась почти четверти поголовья хохлаток. Пригородный совхоз по случаю круглой даты пожертвовал городу

десяток упитанных хрюшек.

Вслед за одним празднеством наступило другое. В августе своё тридцатилетие отмечал Южноморский торговый порт. Торжества оказались грандиозными. К юбилеям съехались коллеги из всех крупнейших портов стран СНГ.

В предпраздничной суете и хлопотах как-то забылось о главном — о реформировании экономики и полной загрузке порта. А ведь это являлось главной стратегической задачей руководства крупнейшего в городе предприятия и мэрии.

Поэтому неслучайно темой аппаратного совещания у городского головы в первый понедельник октября стало подведение итогов работы Южноморского морского торгового порта за три квартала. Это предприятие считалось самым крупным не только в Южноморске, но и в Украине. Через порт проходило почти 75 процентов всех грузов, транспортируемых морем. Журналисты давно окрестили это предприятие южными воротами страны.

Высшие должностные лица страны, разумеется, не обделяли своим вниманием порт. Сюда часто наведывались не только министр транспорта, но и премьер-министр с президентом. Портовикам было чем похвастаться. На фоне неурядиц и различных перекосов в экономике, дела

в порту шли неплохо. Из года в год увеличивался, и приближался к рекордным показателям 1990 года, объём грузоперевалки.

Всё это, конечно же, радовало, однако в последнее время в порту стали залеживаться грузы. Это наносило серьёзный урон авторитету крупнейшего предприятия южного региона.

Мэр не мог спокойно наблюдать за таким безобразием. Он дал задание начальнику отдела экономики горсовета тщательно во всём разобраться и доложить о ситуации в морском торговом порту на одном из аппаратных совещаний.

После того, как были обсуждены все главные новости жизни города и происшествия, случившиеся в выходные дни, перешли к обсуждению главного вопроса, стоявшего в повестке дня, — о положении дел в морском торговом порту. Это было градообразующее предприятие. От его успешной работы зависело не только благополучие портовиков, но и горожан. Ведь именно благодаря отчислениям из порта удерживалась бюджетная сфера города.

Заведующая отделом экономики сыпала цифрами как из рога изобилия, но суть проблемы от этого не становилась яснее. Наоборот, всё в глазах слушателей заволакивалось плотной пеленой тумана. Наконец, после двадцатиминутного

выступления Лариса Викторовна Кисельчук замолчала.

В кабинете городского головы наступила тягостная тишина.

— У вас всё? — сухо спросил мэр заведующую отделом экономики.

— Да, — ответила та, взглянув на мэра.

— А почему в порту некоторые грузы залеживаются на полтора-два месяца дольше, положенного для этого срока?

— Да, Ярослав Владленович, к сожалению, такое иногда случается, — ответила Кисельчук. — Мы разбираемся по каждому такому факту.

— И что же вы обнаружили?

— Обыкновенную расхлябанность портовиков.

— А вам не кажется, уважаемая Лариса Викторовна, что кто-то за счёт просроченных грузов хорошо набивает себе карманы?

— Я так не думаю, Ярослав Владленович.

— А почему?

— Потому, что просроченные грузы — это же определённые убытки грузополучателя. Иногда даже немалые.

— А вот мне поступила информация, что начальник коммерческого отдела порта господин Морозчук на каждом задержанном на терминале контейнере имеет не менее тысячи долларов навару.

— Я... я не слышала о таком...

— Редактор городской газеты присутствует на совещании? — поинтересовался мэр.

— Да, — поднялся со своего места в третьем ряду Жемайтис.

— Ян Робертович, дайте, пожалуйста, кому-то из своих корреспондентов задание провести журналистское расследование. Пусть читатели нашей городской газеты узнают о том, что у нас вытворяют в порту некоторые деятели.

— Хорошо, Ярослав Владленович, — ответил редактор газеты, — сделаем всё в лучшем виде!

— Надеюсь!

В кабинете городского головы установилась тишина. Большинство участников аппаратного совещания, сидевших в огромном и просторном кабинете городского головы, волновал лишь один вопрос: не поднимут ли их с места и не начнут ли учинять разнос за недостатки?

Ведь, чего греха таить, при желании, у любой городской службы и даже у преуспевающего предприятия можно найти недоработки или упущения в работе. Если, разумеется, очень этого захотеть.

Рыжков окинул взглядом всех сидевших в его кабинете. Это заставило кое-кого из руководителей, собравшихся в кабинете мэра, втянуть голову в плечи. Чего-чего, а грехов, больших или малых,

имелось у большинства руководителей успешных и не очень успешных предприятий. Да и начальники городских служб также не являлись ангелами во плоти. Не могли они спокойно созерцать на различные соблазны. Извлечь выгоду из всего, чего только можно, стало для них неписанным правилом.

Иногда из-за нечистоплотных действий мелкого начальства возникали неприятности. Некоторые граждане, возмущённые незаконными действиями руководителей различных городских служб, строчили жалобы мэру.

Тот, разумеется, не оставлял без внимания ни одно критическое послание. Виновник безобразия получал от руководителя такой нагоняй, что перья летели.

Впрочем, сегодня Ярослав Владленович, кажется, уже был не в том настроении, чтобы устраивать кому-то взбучку. Ему необходимо было хоть чуточку отдохнуть.

— Кажется, все вопросы рассмотрели, — бросив быстрый взгляд на наручные часы, сказал мэр. — Итак, на сегодня всё. Все свободны!

2

После приезда с аппаратного совещания у мэра Южноморска, редактор городской газеты собрал в своём кабинете всех творческих

сотрудников. Когда все уселись за двумя длинными столами, он попросил закрыть дверь.

Это было что-то новое. Обычно летучку редактор проводил при открытых дверях. Поэтому даже уборщица, исполнявшая и обязанности курьера, сидя в соседнем с редактором кабинете, была в курсе всех редакционных дел. Знала, что произошло в городе, какие слухи не дают покоя местным обывателям, кто из творческих сотрудников получил от редактора на орехи, а кого тот похвалил.

Однако сегодня Жемайтис решил поговорить в очень узком кругу — только с творческими сотрудниками.

— Наверное, сейчас нам сообщат очень интересную новость, — предвосхищая событие, сказала Алла Лозовая.

Высокая, стройная и красивая блондинка с большими голубыми глазами не только много писала на различные темы в газете, но и имела, как говорится, язык без костей. Лозовая не могла хранить тайн. Если она о чём-то от кого-то случайно узнает, то вскоре об этом судачили все городские сплетницы. Иногда даже случалось так, что какая-то из них, зайдя в редакцию городской газеты с письмом или объявлением, по большому секрету сообщала Алле, как лучшей приятельнице, сплетню, о которой та поведала какой-то из своих

многочисленных подруг. То есть, сплетня возвращалось к источнику её распространения.

Правда, Лозовая не подавала виду, что эта новость для неё вовсе уже не новость, однако сплетничать не переставала.

Жемайтис бросил взгляд на Лозовую.

«Ну, Алка и языкатая! — подумал он. — И в кого она такая только уродилась!».

— Все уже собрались? — поинтересовался Жемайтис...

— Все, — ответила заместитель редактора.

— Вот и хорошо, тогда приступим к делу, — сказал Жемайтис.

— Что же такого интересного сказал на аппаратном совещании наш мэр? — снова не удержалась от реплики Лозовая.

— Алла, ты можешь помолчать? — остудила пыл коллеги заместитель редактора.

Та, наверное, ответила бы какой-то колкостью пенсионерке, которая, несмотря на свои семьдесят лет, вовсе не собиралась уходить на заслуженный отдых и освободить должность заместителя редактора для более молодых коллег, однако редактор, дабы пресечь перепалку двух амбициозных коллег в юбках, решил взять инициативу в свои руки.

Он несколько раз постучал кулаком по столу, требуя всеобщего внимания коллег. Журналисты

притихли.

— Сегодня, коллеги, на аппаратном совещании рассматривался вопрос о работе нашего торгового порта, — стал делиться своими впечатлениями с творческими сотрудниками Жемайтис. — Вам всем хорошо известно, что от работы этого предприятия зависит благополучие всего нашего города. По сравнению с другими портами южного региона, у нашего дела идут лучше. В минувшем году портовики переработали 10 миллионов тонн грузов, а в нынешнем намечается довести объём грузопереработки до 12 миллионов тонн.

Но, как заметил наш папа, в порту в последнее время происходят странные и непонятные вещи. Грузы задерживаются на месяц-два больше установленного срока. И нашему папе доложили, что начальник коммерческого отдела порта господин Морозчук на каждом контейнере с просроченным сроком хранения имеет 1000 долларов наvara.

Вот папа и поручил нам провести журналистское расследование.

— Как интересно! — театрально воскликнула Лозовая.

— Ничего смешного в этом не вижу! — жёстко отреагировал Жемайтис. — Мы всё-таки являемся органом городского совета.

— А я и не смеюсь.

— Кстати говоря, журналистским расследованием займёшься именно ты, Алла.

— А почему я?

— Потому что ты лучше всех пишешь! — съязвил редактор.

От хорошего настроения и театральности Лозовой не осталось и следа. Почему именно ей поручают самые сложные редакционные задания? Вон сколько мастеров пера сидит за длинным редакционным столом!

А не мог бы сам редактор взяться за это дело? Ведь его зарплату не сравнить с зарплатой других сотрудников. Редактор получает в четыре с половиной раза больше, чем корреспонденты и заведующие отделами!

Или нельзя ли поручить такое ответственное редакционное задание заместителю редактора? А то пишет всё по мелочам. Нет, чтобы показывать другим пример в работе, находить интересные темы и писать так, чтобы читатели газету из рук вырывали, она из года в год пишет о различных праздничных торжествах и трудовых достижениях отдельных бригад докеров-механизаторов.

Однажды ответственный секретарь, в поиске новых приёмов подачи газетных материалов, наткнулась на публикации заместителя редактора двадцатилетней давности и просто плюхнулась на

стул из-за удивления. Заголовки и сами тексты той поры совпадали с нынешними, которые сдавались в газету.

Правда, о своём открытии ответственный секретарь, во избежание больших неприятностей, решила помалкивать. Зачем себе наживать врагов в лице самых опытных работников?

Редактор, между тем, обвёл всех взглядом и продолжил вести планёрку.

— Значит, следует побеседовать с начальником порта, главным диспетчером, заместителем начальника порта по экспортно-транспортным операциям, — стал подбрасывать схему сбора материала редактор. — Выяснить, так сказать, общую картину приёма и отправления грузов, а затем задать пару вопросов в лоб самому господину Морозчуку.

Факты должны быть убедительными, чтобы редакцию нашей газеты не затаскали по судам.

— Да нам всегда больше всех шишек достаётся, — бросила реплику Алла Лозовая. — А за свою работу получаем копейки.

Алла Лозовая пришла работать в газету после окончания факультета журналистики Ленинградского университета. За двадцать лет работы в «Южноморском маяке» приобрела солидную читательскую аудиторию. Её знали, ждали выхода очередных материалов.

В редакции за Лозовой утвердилась репутация журналистки номер один. Поэтому большинство материалов редактор поручал делать именно Лозовой.

Всем была хороша Алла. И красива, и умна. Вот только её длинный язык мешал ей и счастье личное найти, да и среди коллег иметь верных подруг и друзей.

— Да, Алла, ты права, что мы за свою нелёгкую работу получаем копейки, — ответил редактор. — Я тоже хотел бы получать такую зарплату, какую получают наши коллеги из западной Европы. А подошло бы время выхода на пенсию, попутешествовал бы с женой по свету.

Но, увы! Мне, как и всем вам, приходится мириться с нашей гадкой действительностью и довольствоваться копеечной оплатой нелёгкого журналистского труда.

— Другие и того не получают, — вставила словечко Альбина Дружинина.

Она приехала в Южноморск из сельской глубинки, где в местной газете с поэтическим названием «Украинская степь» зарплату выдавали раз в полгода, да и то не в полном объёме. Так что, регулярно получая 225 гривен в месяц, ответственный секретарь была на седьмом небе от счастья.

Правда, на её реплику никто из

присутствующих не обратил внимания. У них были другие представления о хорошей зарплате.

После Аллы Залозной редактор раздал задания и другим творческим сотрудникам. Каждому из подчинённых он всё, как всегда, подробно объяснил. Кому что-то было непонятно, подсказал.

— И в заключение, коллеги, прошу вас больше давать в газету заметок, — сказал Жемайтис. — Итак, за работу!

Газетчики не спеша стали покидать кабинет редактора. Большинство сотрудников поспешили включать чайники, чтобы приготовить и выпить чашечку ароматного кофе, а уж затем взяться за работу.

Лишь Алле Лозовой было не до кофе. Интуиция ей подсказывала, что сбор материала будет очень сложным.

3

На следующий день в редакторском кабинете с самого утра раздалась мелодичная трель телефонного звонка.

— Алло, — сняв телефонную трубку, отозвался Жемайтис.

— Ян Робертович?

— Да, Игорь Васильевич, — узнав голос

начальника порта, ответил редактор.

— Как здоровье?

— Пока не жалуюсь.

— А у меня, дорогой, сердечко стало пошаливать, — пожаловался Мягков.

— Так необходимо возобновить походы в атлетический зал, — посоветовал Жемайтис.

Несколько лет назад редактор решил всерьёз поправить своё здоровье и записался в платную секцию атлетической гимнастики. Там он и подружился с начальником порта. Однако увлечение штангой не помогло обоим избавиться от влечения к алкоголю и табаку. Так что, позанимавшись полгода спортом, несостоявшиеся Василии Алексеевы бросили это занятие. Зачем, мол, даром истязать свой организм, если вместо пресса у каждого из штангистов-любителей появился солидный живот? Прямо, как у женщин на сносях.

Правда, напоминание редактора о том чудесном времени, когда они всё-таки стали меньше пить водки, заставило начальника порта поколебаться. А может действительно снова всерьёз взяться за укрепление здоровья?

Впрочем, Мягков колебался недолго.

— Да всё как-то времени нет, — ответил он на предложение редактора. — Да и твои сотрудники, друг любезный, на нервы мне действуют.

— Мои сотрудники? — то ли не сообразил, то ли прикинулся несведущим о том, о чём зашла речь, Жемайтис.

— Да, твои крокодилы пера.

— А кто именно?

— Да, Лозовая.

— Только она?

— Да я ей одной уже сыт по горло!

— Понимаете, Игорь Васильевич, это задание я дал ей по поручению папы, то есть, нашего мэра.

— Хорошие дела!

— Вы, Игорь Васильевич, не были на последнем аппаратном совещании?

— Не был.

— Жаль.

— Почему жаль?

— Потому что это было не рядовое аппаратное совещание, а с серьёзным разбором работы порта.

— Ну, и что здесь удивительного? Порт крупное и важное для города предприятие. Вот работу его и обсуждали.

— Всё правильно, но дело в том, что мэр дал нашей редакции задание сделать журналистское расследование афер начальника коммерческого отдела порта.

— Да знаю, знаю...

— Откуда?

— У меня в горсовете тоже имеются свои глаза и уши.

— Вон как?

— А как ты думал? К подлым ударам мэрии надо быть готовым. Тогда можно снизить степень обнаруженных на производстве недостатков.

— А вы, Игорь Васильевич, оказывается, не лыком шиты.

— Должность заставляет быть изворотливым и непотопляемым.

— Понятно, но всё же, Игорь Васильевич, что вы скажете по поводу афер Морозчука?

— Слушай, Ян, как человека прошу тебя: не трогай того Морозчука!

— А почему?

— Наш порт в последнее время и так преследуют неприятности из-за газетных публикаций. В «Голосе Украины» напечатали критическую статью, и мы в результате этого остались без солидного зарубежного кредита.

Тявкнул наш, так называемый, независимый профсоюз в областной прессе, и у нас резко уменьшился грузопоток зерна.

А теперь ваша газета думает подгадить нам репутацию! К нам же после этого будут меньше доставлять контейнеров. Неужели ты, Ян, не понимаешь последствий ковыряний там, где не надо, твоих борзописцев?

— Я вас, Игорь Васильевич, отлично понимаю, но ничем помочь не могу. Задание расследовать бурную «коммерческую» деятельность Морозчука нам дал мэр. Газета — орган городского совета, и у меня заключён контракт с мэром.

— Ну, с мэром я сам улажу этот вопрос.

— Желаю успехов!

Жемайтис положил трубку на рычаг телефонного аппарата с чувством досады. Ему очень не хотелось терять дружбу с начальником порта, где газета всегда приобретала бумагу из Кондопоги, и нельзя было ослушаться мэра.

Тот же стреляный воробей. Если в газете не появится журналистское расследование, он же обо всём догадается.

— И за сколько тебя купил начальник порта? — ещё подковырнёт.

Легко сказать: сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. А попробуй найти Соломоново решение!

Словом, Жемайтис решил пожертвовать дружбой с начальником порта. Не терять же ему из-за непослушания мэру должность редактора.

4

Скорый поезд «Одесса-Киев» прибыл в

столицу ровно в пять часов утра, когда добропорядочные граждане ещё лежат в постелях и досматривают сладкие сны. Однако каждому из нас иногда приходится нарушать привычный уклад жизни и отправляться куда-то по делам или в отпуск.

Граждане, выйдя из вагонов поезда на перрон, сразу же хлынули к выходу из центрального железнодорожного вокзала. К пассажирам с солидным багажом моментально подкатывали с большегрузными колясками носильщики, а кто, не желал воспользоваться услугами профессиональных помощников, тащил увесистую поклажу на своих плечах и в руках.

Начальник коммерческого отдела Южноморского морского торгового порта Вадим Петрович Морозчук прибыл в Киев налегке — с одним дипломатом в руке. Выйдя из здания железнодорожного вокзала, он сразу же подался на стоянку такси.

— Куда, папаша, едем? — спросил его парень в чёрной кожаной куртке.

— Куда? — оглядев парня с ног до головы, переспросил Морозчук. — В Кабинет Министров.

— Три доллара — и едем.

— Дороговато...

— Находите дешевле, — ответил водитель «Опеля» с шашечками на кабине, и стал выискивать

в потоке людей, выходящем с перрона железнодорожного вокзала, потенциальных пассажиров.

Морозчук прошёл чуть дальше, шагов на двадцать, а затем развернулся и подошёл к тому же водителю «Опеля».

— Ладно, едем, — сказал Морозчук.

— Тогда прошу! — сменив безразличие на любезность, галантно открыл перед ним заднюю дверцу водитель.

Морозчук удобно уселся на заднем сидении.

— Пару минут подождёте, пока я найду ещё нескольких пассажиров? — спросил водитель.

— Подожду, — ответил Морозчук.

— Спасибо!

Водитель времени даром не терял. Через минуту к нему подошла крашенная полноватая блондинка. Рядом с ней стояла худющая брюнетка.

— На Банковую подвезёте? — спросила блондинка.

— Вы одна или вдвоём?

— Вдвоём.

— По три доллара и едем.

— А если у нас нет долларов?

— А гривны-то имеются?

— Да.

— Это сколько платить-то придётся?

— По шестнадцать гривен.

Дамы переглянулись между собой, тяжело вздохнули, и уселись в салоне «Опеля» — блондинка спереди, а брюнетка — на заднем сидении, рядом с Морозчуком.

Такси развернулось, пристроилось в правый крайний ряд редких в это предрассветное время легковых автомобилей, и подалось в центр. В салоне иномарки было тепло и уютно. Из магнитофона доносилась музыка. Женский голос почти рыдал.

«Не плачь, бэби,
Бэби, не плачь!
Не плачь, бэби,
Бэби, не плачь!».

На киевских улицах встречались лишь редкие прохожие, а основная масса жителей столицы ещё спала. Лишь в редких окнах многоэтажек, мимо которых проезжало такси, светились огни.

Вадим Петрович Морозчук прикрыл глаза. Он не привык так рано просыпаться. Да и командировка в Кабинет Министров была какой-то надуманной. Ведь всего полмесяца назад в Южноморске проходило трёхдневное совещание министров транспорта стран СНГ. Правда, кроме обильных попоек, Морозчуку о том мероприятии больше ничего не запомнилось.

Впрочем, по итогам совещания каких-то важных документов министры тогда так и не приняли. Разве что для «галочки» подписали Договор намерений.

Впрочем, командировка для Морозчука была мелочью. Больше всего его беспокоил последний разговор с начальником порта.

Беседовали они с глазу на глаз.

— Петрович, тебе сели на хвост, — сказал ему Мягков.

— На какой хвост? — переспросил тогда Морозчук.

— Не прикидывайся. Замети следы, пока не поздно.

Они, не один десяток лет работавшие вместе, поняли друг друга. Да что говорить, начальник порта был в курсе «фокусов» с задержкой контейнеров, и, разумеется, имел с этого и свой процент. Причём немалый.

А беспокоился он потому, что все ниточки вели именно к нему, — подборнику справедливости и честности работы порта. Работники уголовного розыска сразу же поймут, что к чему.

«Легко сказать: замести следы! — подумал Морозчук. — А каким образом? Дворовой метлой?».

Нет, здесь всё необходимо было рубать по живому, раз и навсегда отказаться от того, что

спокойно существовало не месяцами, а годами.

Морозчук, конечно же, ещё раньше, до разговора тет-а-тет с начальником порта, нутром учуял, что над ним уже сгустились грозовые тучи.

А вот кому он стал неуютен? Возможно, кто-то спит и видит себя в кресле начальника коммерческого отдела порта?

Так, где же вы, «друзья-товарищи» были раньше, когда морской торговый порт чуть не ушёл на дно? Почему тогда никто не бросился его спасать, а пытался выжать с него всё, что только можно.

Да и как было поступать тогда обыкновенным работникам порта? В стране царил хаос. Министерства морского флота СССР уже не существовало. Указаний и помощи ждать было неоткуда. Все были растеряны. Разумеется, что при паническом настроении умные мысли в голову не приходили.

Это сейчас, в спокойные и даже благодушные времена, те, кто в сложный момент отсиживался в кустах, сейчас кусают локти: как, оказывается, тогда можно было нажать?

Морозчука жгла обида. Ведь никто другой, а именно он учуял благоприятный момент в конце 1991 года, когда союзное Министерство морского флота потеряло бразды правления, а идея создания украинского министерства ещё даже не витала в

чиновничьих кабинетах. Это было золотое время для накопления капитала.

Именно благодаря предпринимательской жилке и неуёмной энергии Морозчука, Южноморский морской торговый порт остался на плаву. Несмотря на разрыв отношений с республиками Прибалтики, Казахстана, Грузии, Азербайджана и Узбекистана, и, как следствие, прекращение поступления таких традиционных грузов как хлопок, нефть, бензин, апельсины, мандарины и других, сумма валютного счёта порта росла как на дрожжах.

Причина такого парадокса объяснялась просто. Морозчук дневал и ночевал в порту, придумывая различные финансовые комбинации, выискивая и находя наиболее льготные условия притока зарубежных инвестиций. Эта работа так увлекла начальника коммерческого отдела порта, что он стал уклоняться от всевозможных празднований, заканчивавшихся тривиальными массовыми попойками.

Разумеется, Морозчук заботился не только о благе порта, но и о собственном финансовом благополучии. Именно он, с позволения и даже благословения начальника порта, создал и наладил на предприятии чёткую систему получения и распределения взяток.

Лет семь всё шло как по маслу. И вдруг

случился сбой. Почему он произошёл? Откуда растут ноги, и откуда ждать неприятностей?

Эти вопросы в последние дни не давали Морозчуку покоя.

— Кабинет Министров, — сказал водитель, притормозив у громадного многоэтажного здания.

— Спасибо! — ответил Морозчук и протянул таксисту пятидолларовую купюру.

— У меня нет сдачи, — схитрил тот.

— Сдачи не надо, — ответил Морозчук.

— Мэрс!

— Нам тоже здесь выходить, — засуетились женщины.

— Расчёт, — сказал водитель.

— Что-что?

— За проезд надо рассчитаться.

— Ах, да-да, пожалуйста!

Блондинка заплатила за двоих — ровно тридцать две гривны.

Получив деньги, водитель сразу же уехал. Трое недавних пассажиров держали путь к зданию Кабинета Министров.

— Вы тоже с жалобой? — поинтересовалась блондинка у Морозчука.

— Нет, — сухо ответил тот. — Меня сюда направили в командировку.

На этом разговор между попутчиками и закончился.

Вице-премьер-министр встретил посланца Южноморского торгового порта весьма прохладно.

— Вы напрасно приехали, — выслушав Морозчука о цели его визита, сказал высокопоставленный чиновник. — Хлопок будет поступать в ваш порт лишь в том случае, если об этом сумеют договориться президенты Украины и Узбекистана. А их встреча состоится не раньше, чем через полгода.

Так что пока ничем обнадёжить вас не могу. Но вы не волнуйтесь. Времени у вас свободного много. Ознакомьтесь с достопримечательностями Киева, отдохните от будничной суеты.

— Спасибо, — ответил Морозчук. — Я с удовольствием последую вашему совету.

Такой результат командировки можно было предположить ещё в Южноморске. Ведь Министерство транспорта не являлось всемогущим. Каждый свой шаг оно должно было согласовывать с главой государства. Тот же хватался за всё подряд, но редко какое дело доводил до конца.

Вот и важнейшие проблемы морской отрасли, как, впрочем, и другие, решались в ручном режиме — только после официальных встреч глав государств. Та же, как заверил министр транспорта,

состоится не раньше, чем через полгода. Срок для порта громадный. Значит, чтобы не потерять объём перевалки грузов, необходимо делать акцент на других грузах.

Впрочем, к чёрту все заботы! Времени у него предостаточно. Так почему бы не отдохнуть от будничной суеты?

Выйдя из здания Кабинета Министров, Морозчук решил прогуляться по Киеву. Здесь он не был лет пять, если не больше. Столица Украины за это время очень сильно изменилась. К симпатичности и величественности города добавился европейский шарм.

Да и прохожие, кажется, изменились. Они были гораздо лучше одеты. Лица их были благожелательнее и веселее.

Вскоре он узнал из афиш, развешанных по всему городу, что сегодня, оказывается, киевляне принимают в товарищеском матче тбилисское «Динамо».

«А почему бы мне не сходить на матч?» — подумал он.

В кассах стадиона «Динамо» билеты ещё имелись. Постояв четверть часа, он приобрёл билет в ярусе, расположенном прямо по центру.

После этого пообедал в кафе. Вареники с творогом со сметаной показались ему такими вкусными, как в школьные годы, когда ими его

потчевала мама.

Как давно это было! Нет уже в живых мамы, не балует его варениками с творогом и вишнями супруга. Она просто не мастерица в кулинарии. Впрочем, у неё имеется много других достоинств. Она верна, нежна и заботлива с ним. Отличная жена, мать и бабушка. Именно благодаря жене в их семье и создан тот лад и уют, которые так необходимы мужчине, который, уставшим и издёрганным, возвращается с работы домой. Только здесь он может отдохнуть от напряжённых производственных будней и проблем.

Дождавшись вечера, Морозчук подался на стадион. В советские времена матчи между киевскими и тбилисскими одноклубниками всегда проходили напряжённо. Правда, грузины редко побеждали в Киеве, но нервы хозяевам поля всегда трепали изрядно.

Впрочем, гости уже были не те. От того тбилисского «Динамо», которое добилось даже победы в Кубке обладателей кубков, осталась лишь бледная тень. Не было здесь ни Давида Кипиани, ни Рамаза Шенгелии.

Впрочем, техника владения мячом у гостей была на высоте. Однако без ярких звёзд она ничего не значила.

Хозяева поля с первых минут завладели инициативой и минут через двадцать

территориальное преимущество воплотили в гол. Игра полностью поглотила все мысли Морозчука. Он, вместе с тысячами болельщиков, что-то выкрикивал. Киевляне оправдали ожидания своих поклонников. Игра получилась красивой и боевой. Когда же хозяева во втором тайме забили не только второй, но и третий гол в ворота тбилисских одноклубников, зрители словно обезумели от восторга.

«Мо-лод-цы! Мо-лод-цы! Мо-лод-цы!» — в едином порыве ревел стадион.

Даже один ответный гол гостей на предпоследней минуте матча не испортил праздничного настроения болельщиков киевлян.

Оставшиеся два дня командировки Морозчук провёл в номере гостиницы. Его не тянуло ни в музеи, ни в театры, ни в рестораны. Все его мысли были связаны с Южноморском, вернее, с решением возникшей проблемы задержки контейнеров в порту больше положенного срока. Как её решить, он не знал.

Того, кто стоит за жалобой мэру, тоже не мог вычислить. Под подозрение мог попасть любой человек из его окружения. Нельзя было быть уверенным даже в друзьях, с которыми он бок о бок протрудился не один десяток лет.

Однако, мог ли кто-то из них открыто выступить против него? Нет, поскольку все они

были связаны по рукам и ногам системой взяток. Правда, кое-кому из его коллег и друзей, наверное, размер их показался недостаточным. А вот кому именно?

6

Заведующая отделом писем Алла Лозовая завершала сбор фактов для статьи в газете под рубрикой «журналистское расследование». Ей лишь осталось побеседовать с начальником коммерческого отдела порта Вадимом Петровичем Морозчуком. Однако встреча откладывалась, поскольку один из главных героев будущей публикации находился в Киеве.

Правда, журналистке он нужен был лишь для того, чтобы задать несколько ехидных вопросов в лоб, и, таким образом, вывести жулика на чистую воду.

Ситуация для Лозовой, в общем-то, была ясна. В порту с каждым годом увеличивалось количество залежалых грузов.

Что обычно делают с ними? Конечно же, списывают и выбрасывают на свалку. А в порту поступали по-другому. Залежалые грузы, находившиеся в контейнерах, которые все были одинаковыми и по весу, и по цвету, прямо с грузовых районов направлялись каким-то фирмам.

Своей коммуникабельностью и хитростью Лозовой удалось выведать у ближайшего окружения заместителя начальника коммерческого отдела порта Юрия Владимировича Долгова, что все фирмы были фиктивными, а содержимое контейнеров через посредников отправлялось для продажи на рынке. Навар же от сделки делился пополам.

Схема была тщательно продумана и отработана. Да и условия для её существования оказались просто идеальными. Дело в том, что в последние годы порт в качестве перевалочной базы облюбовали контрабандисты. Создавая подставные фирмы, они переправляли туда сигареты и алкогольные напитки без акцизных марок. За беспрепятственный пропуск каждого такого контейнера ушлые дельцы платили Морозчуку по 1000 долларов. А тот, естественно, с кем-то делился.

Причём, это была лишь видимая часть айсберга. А ведь существовала ещё и невидимая, о существовании которой не догадывалось большинство докеров-механизаторов и инженерно-технических работников.

В порту, оказывается, можно было купить приглянувшуюся «девятку», экспортируемую в Болгарию или Турцию. Причём стоил легковой автомобиль Волжского автомобильного завода не

восемь с половиной тысяч долларов, а на четыре тысячи дешевле. На экспорт же модели «ВАЗ-21093» отправлялись всего за три тысячи долларов.

Скажите, кто откажется приобрести «девятку» экспортного варианта за четыре с половиной тысячи долларов? От желающих, естественно, не было отбоя. Солидная полуторатысячная разница между официальной и неофициальной ценой, конечно же, не проходила мимо кармана начальника коммерческого отдела порта.

Также по бросовым ценам в порту можно было приобрести не только продукты питания, но и бытовую технику. Правда, не всем сотрудникам, а лишь избранным. Тот, кто был крепко завязан на системе получения и дачи взяток.

Последние, кстати говоря, и стали неотъемлемым атрибутом бурной коммерческой деятельности Вадима Петровича Морозчука. На работу он шёл как на праздник. И хотя начальнику коммерческого отдела порта исполнилось уже шестьдесят пять лет, о тихой пенсионерской жизни он и не помышлял. Ему вовсе не хотелось отправляться на заслуженный отдых.

Человек был при делах. Причём, он управлял не финансовыми ручьями, а настоящими реками.

Пока Вадим Петрович Морозчук находился в командировке в Киеве, журналистка Алла Лозовая

кропотливо расследовала механизм его махинаций. И чем больше она вникала в закулисную деятельность начальника коммерческого отдела порта, тем отчётливей понимала, что ей предстоит нелёгкий разговор с матёрым преступником, уверовавшим в свою безнаказанность.

7

В пятницу, после окончания рабочего дня, Вадим Петрович Морозчук, возвратившийся из командировки в Киев, вместе с женой, дочерью и девятилетней внучкой уехали на «мерседесе» на дачу.

Располагалась та в довольно крупном посёлке Солнцево. Это был тихий райский уголок, находившийся в десяти километрах от города. И хотя в Солнцево не имелось ни моря, ни асфальтированных дорог, но лучшего места для отдыха от городской суеты трудно было отыскать.

Уже не один год Морозчуки проводили выходные дни на даче. Здесь всё радовало глаз. И большой сад, и колодец с холодной питьевой водой, и заасфальтированный двор. Да и сам дом, располагавшийся на крохотном земельном участке дачи, был красавцем.

Единственным неудобством загородной жизни являлись лишь частые отключения

электроэнергии. Правда, и здесь Морозчук нашёл выход из сложной ситуации. Он приобрёл дизельный генератор и включал его тогда, когда в посёлке отключали свет.

Всё как обычно было и в пятницу, 10 октября. Свет в посёлке отключили ровно в девятнадцать часов. Морозчук накинул на плечи пиджак и вышел из дома во двор.

Было уже темно. Однако Морозчук знал всё здесь, как своих пять пальцев, и направился к генератору.

Вдруг рядом раздался какой-то шум.

Морозчук застыл на месте. Что это могло быть? Его душу поневоле стал охватывать страх. Был бы это кот или пёс, он бы не обратил на это внимание.

Это было что-то другое.

Может, какой-то бродяга забрался на их дачу? Ведь четыре дня дача пустовала. За это время здесь мог появиться не только какой-то бомж, но даже вор.

— Кто там? — спросил Морозчук.

Ответа долго ждать не пришлось. Чьи-то крепкие мужские руки обхватили его сзади и стали душить. Морозчук, крепкий и сильный мужчина, стал сопротивляться. Он уже почти освободился от нападавшего на него незнакомца, когда к тому на помощь подоспели двое подельников.

Свалив на землю Морозчука, они принялись бить его ногами. Били хозяина дачи молча, но исступлённо.

— Всё? — спросил минут через пять один из троицы, очевидно, старший.

— Нет, он ещё живой, — ответил второй.

— Так прикончи его! — приказал старший.

Второй злоумышленник вытащил из кармана пиджака молоток и несколько раз огрел им Морозчука, лежавшего на асфальте, сильными ударами по голове.

Тот сразу же затих. Из рта жертвы нападения потекла струйка крови.

— Всё уже? — спросил старший группы.

Злоумышленник, огревший Морозчука молотком, прильнул к груди хозяина дачи головой.

— Вроде бы, всё уже. Не дышит...

Третий злоумышленник наблюдал за домом, чтобы оттуда никто не вышел и не поднял крик на весь посёлок.

— Хорошо, — сказал старший. — Сейчас врываемся в дом. Действуем тихо и быстро. До врубки света надо слинять. Всем всё понятно?

— Понятно, — ответил третий.

Второй злоумышленник возился с телом владельца дачи.

— Что ты там ещё делаешь? — осведомился старший.